ПОЛИС

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

О. А. Оберемко
В. А. Ядов

Общетеоретические подходы к анализу социального развития и социальных изменений

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Yadov_Obsheteoret_podhod.pdf

Перепечатка с сайта Института социологии РАН http://www.isras.ru/

URL:http://www.civisbook.ru

Глава 1
Общетеоретические подходы к анализу социального развития и социальных изменений

Классические теории социального прогресса, авторы которых подчеркивали преемственность с прошлым и неизбежность перехода общества на более высокую стадию развития, в наше время подвергаются критике. Разрабатываются иные теоретические подходы, утверждающие нормальность социальных изменений, но отвергающие какие-либо заранее установленные, универсальные критерии их оценки.

В последнее десятилетие предложены различные теоретические концепции трансформационных процессов в «посткоммунистических» странах.

Тема 1.1. Теории линейно направленного и циклического развития общества

В классических теориях направленных социальных изменений господствует идея прогресса. Наряду с этим достаточно широко представлены концепции циклических изменений и вместе с тем некоторые мыслители утверждали, что «золотой век» человечества остался в прошлом.

Всякая научная теория рождается и живет в социальном контексте, пропитана духом эпохи, т.е. помимо «позитивного» знания в ней непременно отражены ценностные предпочтения современников.

Поэтому при рассмотрении теорий социальных изменений полезно учитывать какую позицию занимает автор по следующим вопросам:

1) придерживается ли он оптимистического или пессимистического взгляда на будущее человечества или отдельного общества;

2) как высоко он оценивает возможности человеческого разума предвосхищать будущее и последствия действий разнообразных субъектов социального действия (индивидов, коллективов, институций).

3) верит он в детерминированность или свободу воли социальных акторов;

4) ценит он преемственность или всячески приветствует разрыв с предыдущим состоянием общества.

1.1.1. Классическое понимание социального прогресса

В классическом понимании социальный прогресс представляется в образе «естественного» эволюционного развития общества от низших к высшим ступеням, к все более высокой приспособленности к внутренним и внешним условиям, большей рациональности, большей свободе личности и демократическим формам правления.

Смысл идеи человеческого прогресса. Под «прогрессом» понимается тип, направление развития, для которого характерен переход от низшего к высшему, от менее к более совершенному[1]. Идея общественного прогресса, по существу сходна с идеей эволюционного развития в живой природе (оттого сторонников данных концепций часто называют «эволюционистами»), подразумевает, что «человечество от некоторого первобытного состояния примитивности, варварства или даже ничтожности двигалось вперед в прошлом, движется в настоящем и будет двигаться вперед в обозримом будущем» [11, с. 4–5]. «Первооткрыватель» идеи общественного прогресса французский мыслитель XVIII века А.Р. Тюрго постулировал ее в виде основного закона жизни Человечества, тем самым, признавая эндогенные (внутренние, имманентно присущие обществу) причины общественного развития.

[1] Энциклопедический социологический словарь. М.: ИСПИ, 1995. С. 598.

Разные мыслители, исходя из собственных ценностей, предлагали свои критерии общественного прогресса: смягчение нравов, умножение знаний, развитие разума, морали, техники, науки, производительных сил (включая самого человека), увеличение предоставляемой обществом индивиду свободы для самореализации, гуманности и т.п. Кратко рассмотрим некоторые трактовки.

Прогресс как расширение рамок свободы. Приращение человеческой свободы неочевидно и едва ли поддается точному измерению; например, гораздо проще указать на накопление человечеством знаний, которые увеличивают его власть человека над природой, включая общество и человека. Все это так, но это накопление возможно лишь тогда, утверждают мыслители либерального толка, когда устранены все барьеры, мешающие индивидам думать, работать, творить. Таким образом, критерием прогресса является степень свободы, которой располагает народ той или иной страны.

Главная идея этого направления состоит в том, что общее благо сложится из того, что каждый индивид будет свободен в стремлении удовлетворять свою личную выгоду, интерес, желания, которые, согласно «старорежимному» религиозному мировоззрению, надо было всячески подавлять и стыдиться. С другой стороны, в «греховной свободе» каждого индивида виделась гарантия от тирании и залог процветания. Отдельные народы могут утратить свободу, отстать в своем развитии и даже вернуться к варварству, но человечество в целом непрерывно идет вперед. Свобода выступает не только критерием и конечной целью прогресса, но одновременно и инструментом его достижения.

Такого понимания закона прогресса придерживались представители либерального направления в политической экономии и социальной философии, такие, как А. Смит, Ж.-А. Кондорсе, И. Кант, Дж. С. Милль, Г. Спенсер. В политике это направление выражается в реформистских течениях, предусматривающих постепенное улучшение общества с помощью осторожного и продуманного введения частичных новаций, резко не нарушающих системные основы человеческого общежития.

Прогресс как увеличение мощи человечества. Противоположное течение, в большинстве своем, составляли государственники и утописты, которые более всего ценили мощь (Ж.-Ж. Руссо, Г.В.Ф. Гегель, А. де Сен-Симон, О. Конт, Ш. Фурье, К. Маркс и Ж.А. де Гобино). Они не отрицали ценности свободы, которую несет с собой прогресс, однако первоначальную задачу видели в переделке и формировании сознания людей на новый лад [11, с. 237].

Если либералы постулировали свободу человека, каков он есть, то государственниками и утопистами свободным мыслился лишь новый человек, которого предстояло еще сформировать. Для создания нового человека с обновленным сознанием требовалось громадное напряжение сил; условием и средством выполнения этой работы мыслители могли видеть в государстве, диктатуре одного класса (например, пролетариата) или в обновленной от накопившихся генетических изъянов расе.

Среди последователей этого течения было немало революционеров, кто ради ускорения прогресса и наступления «золотого века» видел необходимость в энергичном, вплоть до кровавого, употреблении насилия. Польский философ Лешек Колаковски связывал эту идею с утопическим сознанием, питаемым «отчаянным желанием достичь абсолютного совершенства», являющимся «атавизмом религиозности в нерелигиозных умах» (Цит. по [11, p. 239]).

Дифференциация социальной системы как более высокая приспособляемость к внешним и внутренним условиям. К началу XX века фокус внимания сместился от всеобъемлющего осмысления всемирной истории на интерпретации изменений перехода обществ от феодальной социальной организации к индустриальной.

Э. Дюркгейм по своему мировоззрению был ближе к социалистам, нежели к либералам: он не уповал на естественные интеграционные силы, порожденные действиями свободных от тирании государства эгоистичных индивидов. Процесс прогрессирующей дифференциации

он рассматривал как усложняющееся разделения труда, которое, с одной стороны, полагалось безусловным благом, так как позволяло смягчить конкуренцию и мирно сосуществовать людям в условиях повышенной физической и моральной плотности населения. Моральная плотность измерялась числом социальных отношений, в которые каждому индивиду приходилось вступать; увеличение числа социальных отношений сопровождается усилением их фрагментарности, частичности, специализированности. Вместе с тем Дюркгейм был обеспокоен тем, что рост социальной дифференциации мог приводить к утрате обществом необходимых для интеграции культурных скреп; слишком резкая дифференциация (например, вследствие ускоренной индустриализации) может привести к аномии и распаду социального организма.

Предшественник Э. Дюркгейма английский мыслитель *Г. Спенсер* исходил из того, что, как дифференциация органов и их функций способствует лучшей адаптации организма к изменениям окружающей среды, так большая дифференциация общества и специализированность его институтов по функциям служит показателем развитости общественного организма. Интеграционным процессам в дифференцирующемся обществе предписывалось естественное происхождение при выполнении (как и положено либеральной доктрине) одного условия: нужно было соблюдать принцип свободной торговли, чтобы в обществе установилась естественная внутренняя гармония, автоматически обеспечивающая мирную и добровольную кооперацию на справедливых условиях. Главная задача на пути к этой гармонии – устранить тираническое давление государства.

После второй Мировой войны представители структурного функционализма во главе с *Т. Парсонсом* осмысливали процесс усложнения современного общества под углом зрения структурной дифференциации социальной системы; заботившая Э. Дюркгейма проблема аномии решалась указанием на возникновение специализированных институтов, отвечающих за интеграцию общества.

Расширение сферы товарного обмена и марксистская теория преодоления отчуждения труда. Представители данного подхода главную тенденцию развития капиталистического общества видят в том, что все большее число «объектов» вовлекается в сферу товарного обмена. Многое из того, что в традиционном обществе считалось неотчуждаемым, получило свою рыночную цену и стало продаваться и покупаться на рынке. Серьезнейшим шагом на пути расширения сферы рыночного обмена стало превращение рабочей силы в товар, продаваемый за заработную плату. Это привело к отчуждению человека от своего труда, продуктов труда и к отчуждению человека от себя самого, своего творческого потенциала[2]. *Карл Маркс* связывал идею социального прогресса с преодолением отчуждения труда, возникающим в результате расширения сферы товарного обмена.

Противники «общества потребления» говорят о свершившемся переходе от удовлетворения спроса к манипулированию им: к конструированию новых потребностей и переосмыслению старых с помощью рекламы и средств массовой информации. Нет никакой «стандартной», «общепринятой» концепции о «разумных потребностях» или «достойном человеческом существовании», с помощью которой можно было бы определять что, сколько и какого качества производить. В «обществе потребления» рынок заполняется теми товарами, которые (а) удобно продавать, эксплуатируя людские страсти посредством рекламы, и (б) дешево производить.

В трудах представителей *Франкфуртской школы неомарксистов* (Ю. Хабермас, Т. Адорно, Э. Фромм, Г. Маркузе, М. Хоркхаймер и др.) указывается на то, что между 1920 и

---

[2] Преодоление отчуждения труда и замену товарно-денежных отношений «свободным обменом деятельностью» людей Маркс и Энгельс связывали с всемирной пролетарской революцией и создание сначала социалистического как переходного и далее - коммунистического - свободного от всякой эксплуатации общества. Описанию растущего отчуждения отдали дань также Г. Зиммель («Философия денег») и В. Зомбарт («Буржуа»).

1940 гг. товарный обмен вышел за пределы производства материальных благ и распространился на культурно-идеологическую сферу, в результате чего возникла гомогенизированная, коммерциализированная, а потом и снабженная электронными посредниками «индустрия культуры» [5, p. 7-8]. Когда произведения искусства превращаются в товар, они утрачивают свое творческое, критическое, одухотворяющее (очищающе-революционизирующее) воздействие на индивида и становятся инструментом примирения массового потребителя с буржуазно-материалистическим образом жизни и мысли. Тогда «весь мир становится пропущенным через фильтр культуриндустрии»[3].

Прогресс как возрастание рационализации социального действия. В трудах *Макса Вебера* социальный прогресс связывается с переходом от традиционности к современности. В традиционных обществах социальное действие вообще не отрефлексировано и совершается по принципу «делай так, как поступали наши предки». В современном (модерном) обществе индивид соотносит ожидаемые результаты своих действий с затратами усилий и средств для их достижения. Отсюда проистекает концепция рационально действующего «экономического человека».

Возрастающая рационализация поведения индивидов не только в области экономики, но и в иных сферах деятельности - в политике, культуре, в повседневном взаимодействии с другими людьми и социальными институтами - приводит к большей предсказуемости и управляемости общества. Таким образом, получается, что эффективность социального контроля достигается за счет централизации политической и концентрации экономической власти. Не случайно М. Вебер придавал исключительное значение рационализации государственного и любого иного административного управления, указывая на роль «рациональной бюрократии».

Итак, теории прогресса, замечает польский социолог П. Штомпка [4, с. 50], приписывают социальным изменениям следующие свойства:

1) необратимо, линейно текущее время, обеспечивающее, с одной стороны, преемственность между прошлым, настоящим и будущим, а с другой – невозможность повторения и возврата в прошлое;

2) утверждение «необходимых» для всех обществ стадий прогресса;

3) упорядоченность и направленность движения к конечной стадии процесса, где предполагается воплощение универсальных, общечеловеческих ценностей: счастья, изобилия, свободы, справедливости, равенства и т.п.;

4) признание неотвратимости и естественности прогресса: его нельзя ни остановить, ни избежать;

5) однозначно положительная оценка прогресса.

Жесткая предопределенность этих положений подвергается сегодня серьезной критике.

1.1.2. Практические действия в направлении теории прогресса: политика «модернизации»

Теория модернизации явилась социально-практическим приложением девелопментализма в программах политиков обратить «отсталые» страны в «современные» общества.

После второй Мировой войны прогрессистская идеология вдохновила западных политиков на осуществление «модернизационных проектов» Понятие модернизации приобрело сугубо практический смысл, им обозначалась политика «осовременивая» отстающих или слаборазвитых стран «третьего мира», но, прежде всего, радикальной трансформации государств фашистского блока.

---

[3] Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика просвещения: Философские фрагменты. М.; СПб.: Медиум; Ювента, 1997. С. 157.

Послевоенной план Маршалла, предусматривал модернизацию европейских стран разгромленной гитлеровской коалиции, чье отставание от передовых демократических держав считалось основной причиной развязывания войны. Некоторые авторы именно теорию модернизации считают собственно социологическим прочтением социально-философской идеи прогресса[4].

Буквальное значение слова «модернизация» – осовременивание (modern = современный). Однако, для передачи этого смысла нередко используют словосочетания «modern age», «modern history», т.е.: «новое время», «новая история». Понятие модернизации предполагает, что есть «современные» страны, чье развитие отвечает духу нового времени, и страны, которые отстали в своем развитии и потому как бы принадлежат к «старому времени». В модернизационных теориях их именуют «традиционными» в противоположность современным, или модерным.

Концепция перехода от традиционного общества к современному была разработана еще классиками социологии в тех странах, которые первыми встали на путь развития капитализма. А. де Токвиль трактовал «осовременивание» как переход от старого режима (порядка) к новому, Ф. Теннис – от Gemeinschaft'а (общины) к Gesellschaft'у (обществу), Дюркгейм – от механической к органической солидарности, Вебер – от господства традиционного и ценностно-рационального типов действия к преобладанию действия целерационального.

Традиционное общество ориентировано на простое воспроизводство в борьбе с окружающим миром, требующей полной согласованности действий и максимального напряжения сил от каждого члена. Приемы выживания оттачивались многими поколениями, поэтому всякое новшество воспринималось с подозрением. К характеристикам традиционного общества относятся преобладание религиозного или мифологического сознания над научным, жесткое подчинение инструментальных (регулирующих повседневную деятельность) ценностей мировоззренческим, или идеологическим представлениям, следование обычаю, а не законодательно установленным правилам, невыделенность индивида из коллектива.

Современное общество отличают: доминирование инновационности, по началу в технике и экономике, а затем и в социальной сфере; «светский характер социальной жизни; поступательное развитие; выделенную персональность, преимущественную ориентацию на инструментальные ценности; демократическую систему власти; наличие отложенного спроса, т.е. способности производить не ради насущных потребностей, а ради будущего; индустриализацию и урбанизацию, массовое образование; активный деятельностный психологический склад личности; предпочтение мировоззренческому знанию освоение точных наук и технологий; преобладание универсального над партикулярным.

Следует помнить, что речь идет об идеально-типических, научных конструкциях и что не может существовать чисто традиционного или чисто современного общества. Согласно концепции Ф. Тенниса, «большое», холодное, рассудочное общество, где индивидами движет «избирательная воля», не может существовать само по себе без «теплой», исконной, общинной культуры Gemeinschaft'а.

От модернизационных проектов к транзитологии. Модернизационный подход к пониманию социального прогресса со временем претерпевал изменения. 50-е годы были отмечены «европоцентризмом», поскольку отстающим странам предлагался осуществленный пример конечного состояния общественного развития – страны Запада. Эта идея получила особенно интенсивную разработку с начала 60-х гг. XX в. после распада колониальной системы. Данный вариант модернизационных концепций в практическом ее преломлении можно называть вестернизацией.

---

[4] Бергер П. Капиталистическая революция: 50 тезисов о процветании, равенстве и свободе. М.: Прогресс, 1994.

В 70-е гг. социологи дискутировали относительно двух полярных образов «светлого будущего». Перед многими учеными и политиками из развитых и развивающихся стран встала реальная дилемма, какой путь развития – капиталистический или социалистический – по-настоящему современен[5]. На свет появились такие, например, концепции, как «африканский социализм» (Ж. Кениата) «китайский социализм» (Мао Цзэдуна) или «Чучхе» – особый северокорейский социализм по плану Ким Ир Сена.

Другим вариантом модернизационного мышления стала так называемая теория конвергенции, согласно которой передовые страны не зависимо от политической системы и этнокультурных различий движутся в развитии навстречу друг к другу. Капиталистические страны движутся в сторону социального государства (к социализму), а социалистические вводят экономические механизмы регулирования хозяйственной жизни (и движутся к капитализму). Подобных идей, по крайней мере в 60-70-е гг., придерживался Андрей Дмитриевич Сахаров.

С распадом «социалистического лагеря» термин модернизация обрел второе дыхание. В Советском Союзе он, в сущности, стал употребляться как синоним перестройки, т.е. преобразования, экономических и политических институтов общества на «западный» манер.

В целом концепции модернизации сохранили от классического периода идею направленности социальных изменений, однако, утвердили их рукотворность, тем самым, возложив ответственность за осуществление идей социального прогресса на общественные институты.

1.1.3. Альтернативные подходы: идея регресса и теории циклических изменений

Концепция регрессивного развития общества не оказала влияния на последующие теории социальных сдвигов. Представления о цикличности социальных процессов, напротив, остаются достаточно влиятельными и находят свое подтверждение.

Оптимистические теории социального прогресса ценят кумулятивное накопление человечеством духовных и материальных благ, которое является одновременно и результатом прошлых достижений, и ресурсом для достижений будущего. Чтобы такое накопление не прерывалось, а человечество совершенствовалось непрерывно, необходимо, прежде всего, заботиться о сохранении преемственности с прошлым. В том, что накапливаются именно блага, сомнений не было, поскольку одновременно должен был крепнуть разум, отбирающий полезные достижения и отбрасывающий негодные результаты.

Мыслители, вдохновленные идеей вступления человеческого разума в пору зрелости, полагали, что вот-вот начнется эра, где разумный человек, познавший законы природы и общества, сам станет творцом собственной истории и будет использовать социальные законы себе во благо, а не вынужденно, по невежеству подчиняться им как слепой силе рока.

К настоящему времени оптимизма заметно поубавилось. Было замечено, что накапливаются не только позитивные изменения, но и негативные, что человечество раскрывает в себе не только благие, но и губительные потенции. Свидетельства этому находятся повсеместно: сотнями миллионов людей исчисляются жертвы войн и утопических социальных экспериментов, огромные территории планеты ежегодно становятся непригодными для жизни, невиданное распространение получили наркомания, преступность, нищета. Добавилась новая угроза – терроризм.

Социологическая теория фиксировала вступление человечества в полосу нескончаемых кризисов, из которых не видно выхода. В своем крайнем проявлении реакция на оптимизм прогрессистов приобретала апокалиптическую окраску.

---

[5] Alexander J. C. Modern, Anti, Post and Neo: How Social Theories Have Tried to Understand the “New World» of “Our Time» // Zeitschrift fuer Soziologie. 1994. Jg. 23. Heft. 3. S. 165. (Цит. по Федотова, с. 15)

Концепция регресса с формальной точки зрения являются зеркальным отражением прогрессистских теорий. Они ориентируются не на будущее, а на прошлое. Процесс социальных изменений в них рассматривается как движение от более совершенного к менее совершенному, от гармоничной целостности – к ее разрушению. При такой мировоззренческой позиции главная задача видится в сохранении образцов прошлого, в тщательном поддержании традиций и затруднении инноваций, которые рассматриваются как ухудшение оставленного более мудрыми и совершенными предками канона**.**

Учения о всеобъемлющем регрессе в светской новоевропейской культуре – довольно редкое явление. И по существу такого рода идеи представлены фрагментарно. Например, их можно найти в сочинениях итальянского философа и историка Джамбаттиста Вико (1668–1744). Он писал, что всякое общество последовательно переживает сменяющие друг друга стадии: век богов, век героев и век людей. Последний век, как правило, завершается полным распадом общества.

В осмыслении современных трансформаций российского общества некоторые авторы до сих пор рассматривают их как отход и разрушение советского канона, не обнаруживая никаких позитивных изменений. Пессимистически настроенные авторы концентрируют свое внимание на таких параметрах и показателях общественного развития, которые наиболее очевидно демонстрируют «отступление» от «правильного» пути или «развал».

Теории циклических изменений. Преодоление узости дилеммы оптимистов/пессимистов «прогресс или регресс» можно искать в представлении о циклических (маятниковых) изменениях, которые отражают разворачивающиеся во времени повторяющиеся движения общества в целом или некоторых его тенденций между двумя полюсами. Правда, как и в прогрессистских-регрессистских теориях, способность социальных субъектов к разумной деятельности здесь выносится за скобки.

Наиболее очевидной аналогией для теорий циклических изменений являются природные циклы смены времен года. В зависимости от интереса наблюдателя указанные природные процессы можно интерпретировать двояко. Во-первых, как абсолютно циклический процесс, последняя фаза которого «возвращается к своей первой фазе, и цикл начинается снова, проходя тот же самый путь, который он проделал до этого»[6]. Во-вторых, как относительно циклический процесс, в котором траектория следующего цикла может не совпадать с траекторией предыдущих циклов по направлению (в количестве, пространстве или времени) и смыслу[7]. Если циклы повторяются на более высоком уровне, можно говорить о циклическом прогрессивном развитии, если на более низком уровне, тогда о циклическом регрессе.

Циклические концепции убедительно подтверждаются периодами подъема и спада экономической активности. Циклические процессы можно наблюдать также в подъеме и угасании цивилизаций» (Н. Данилевский, П. Сорокин, О. Шпенглер, А. Тойнби).

При анализе современных российских трансформаций А. Ахиезер приходит к выводу, что в отечественной истории имеют место циклы прозападных реформ, сменяемые противоположным стремлением к восстановлению национальных традиций[8].

В современной мировой литературе дискуссируется вопрос: является ли эпоха постмодерна «высоким» (в смысле завершающим) развитием современных индустриальных обществ или ее наступление возвестило конец западной цивилизации и вступление в фазу глобальных и национальных рисков (Э. Гидденс, У. Бек).

Доказательно оценить циклическую парадигму весьма трудно. Циклические социальные изменения есть синусоида, которая обозначает разворачивающиеся во времени

---

[6] Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. СПб: РХГИ, 2000. С. 90–91.

[7] Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. СПб: РХГИ, 2000. С. 91.

[8] Ахиезер А.С. Россия – расколотое общество: некоторые проблемы социокультурной динамики // Мир России. 1995. № 1. С. 3-57.

повторяющиеся движения обществ между двумя полюсами. Но что это за полюса? Если представить их как точки подъема и спада, то с этим трудно не согласиться: все общества и цивилизации переживали и будут переживать подобные циклы. Если же исходить из идеи возвратного движения к прошлому, то циклизм – явная утопия, ибо, как сказал еще древний философ: «В одну и ту же реку нельзя войти дважды».

Тема 1.2. Современные теории социальных изменений

Главная идея современных теорий – отказ от «естественности» человеческого прогресса и утверждение принципа: историю делают сами люди, но обладающие властным ресурсом при этом доминируют.

1.2.1. Постмодернистский подход: исчезновение общества

Постмодернизм по существу не признает за социальным познанием статуса научного знания, полагая, что социальная наука - это своего рода игра по некоторым правилам.

Наиболее радикальным в настоящее время является постмодернистский подход к пониманию общества и социальных процессов. В сущности, постмодернизм – протестная реакция против всяких идеологий целенаправленного усовершенствования человека и человеческого общества.

О позиции постмодернизма можно составит представление по одной из публикаций З. Баумана «От паломника к туристу»[9]. Автор описывает постмодерную личность как персонажа, который просто фланирует, не имея обязательств ни перед обществом, ни перед кем либо, и не рассчитывает на солидарную поддержку со стороны других, ибо он – свободный турист. Во введении к русскому изданию своей последней книги «Индивидуализированное общество» Зигмунт Бауман пишет, что «Ключ к решению проблем, поразивших современную политическую жизнь… нужно искать (и находить) в устранении причин, обусловливающих беспомощность существующих институтов коллективных политических действий»[10]. Другой современный теоретик А. Турен считает, что современное общество поглощено чрезвычайно развившимися государственными структурами и оптимистически провозглашает отмену общества действующим субъектом[11], тогда как другой французский мыслитель Ж. Бодрийяр видит «конец социального» в прямо противоположном – в инертности «массы» и «молчаливом большинство»[12].

1.2.2. Концепция наступления цивилизации повышенных рисков.

В пессимистической версии постмодернизма предложены теории вступления человечества в рискогенную цивилизацию (У. Бек) или цивилизацию «поздней современности» (Э. Гидденс).

Авторы концепции повышенных рисков Ульрих Бек и Энтони Гидденс подчеркивают, что современные глобальные процессы чреваты непредвидимыми катастрофическими и рискогенными следствиями научно-технического прогресса. Больше того, У. Бек[13] считает, что производство общественных благ начинает уступать производству рисков и опасностей для выживания человечества.

---

[9] Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 133–154.
[10] Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: «Логос», 2002. С. LXIV.
[11] Турен А. Возвращение человека действующего: Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998. С. 23.
[12] Бодрийяр Ж. В тени большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000. С. 7.
[13] Beck U. Risk Society and the Provident State // Risk, Environment and Modernity. L.; Thousand Oaks: Sage Publications, 1996.

Прежде всего, речь идет о загрязнении среды обитания и о природных катастрофах, которые, как свидетельствуют научные данные, во многом провоцируются действиями человека. Например, многие ученые считают, что утолщение «тепловой подушки» в атмосфере Земли ведет к быстрому потеплению климата, катастрофическим засухам на африканском континенте и другим климатическим трансформациям, каковые потребуют колоссальных усилий и расходов для поддержания сносных условий жизни.

Э. Гидденс обращает внимание на многообразие техногенных и собственно социогенных рисков[14]. В их ряду:

- Риски, связанные с мировыми электронными информационными сетями. Сбой в компьютерных системах способен вызвать потрясения в банковском бизнесе, не говоря о смертельной опасности подобных сбоев в системах, которые предназначены для военных целей.

- Риски, порождаемые транснациональными корпорациями, не поддающимися контролю со стороны локальных институтов.

- Возрастающая неспособность государственных институтов осуществлять достойную социальную политику из-за многообразия разнородных групп населения, нуждающихся в ориентированной именно на их нужды социальной политике. Отсюда, кстати, предлагаемый автором новая политическая концепция «третьего пути» (третий путь – не социализм и не либерализм). Суть ее состоит в переносе внимания и средств на нужды местных самоуправляемых сообществ (community) за счет резкого сокращения функций общенациональных институтов и всевластия бюрократии[15].

У. Бек отмечает возрастание порогов допустимых рисков: люди привыкают к повышенным против допустимых норм загрязнения воздуха и воды. В России, например, проживающие в зоне чернобыльской аварии не слишком озабочены своим здоровьем, и отмечались факты, когда граждане даже стремились получить место жительства в этой зоне ради установленных правительством компенсационных выплат[16]. Происходит «навязывание» рисков сильными государственными и коммерческими структурами, не говоря о криминальных.

В концепции “сетевого общества», предложенной Э. Кастельсом, риски возникают при перекрытии каналов информации сильноресурсными агентами, т.е. властными структурами, лобби и т.п.[17]

Теоретики «катастрофисты» взывают к политическим деятелям и гражданам, побуждают их проявить должную активность, предпринять практические шаги для минимизации рисков.

1.2.3. Деятельностно-активистская концепция социальных изменений

В этом подходе центральной идеей является принцип, согласно которому направленность социальных изменений преимущественно (или целиком) зависит от практических действий многообразных социальных субъектов, включая и богатых «социальным капиталом», и рядовых граждан.

Социальная среда рассматривается как вибрирующее «поле» социальных взаимодействий, а результаты рационально осмысленных действий нередко оборачиваются прямо противоположными последствиями.

Смена метафоры «структура» на метафору «поле». Можно сказать, что в кругу социальных теоретиков начинают преобладать идеи о нормальности непредсказуемых

[14] Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990.

[15] Giddens A. The Third Way. Cambridge: Polity Press, 2001. В предисловии к книге британский премьер Тони Блэр рекомендует всем лейбористам внимательно изучить эту книгу.

[16] Риск в социальном пространстве // Под ред. А.В. Мозговой. М.: ИС РАН. 2001. С. 42.

[17] Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое общество. Аналитическое исследование // Мир России. 2000. № 1. С. 23-51.

социальных изменений, что заставляет избегать заранее установленных, претендующих на универсальность критериев оценки этих изменений. Оптимистически-пессимистическая альтернатива сменяется трезвым, реалистическим взглядом, не нуждающемся ни в утешении, ни в идеологической мобилизации.

Всякая социологическая теория предлагает свой образ общества и определенный, присущий ей концептуальный аппарат[18]. Поэтому естественно, что разные теории далеко не одинаково осмысливают общественные изменения, их пределы, механизмы и источники.

С середины минувшего века в социологическом осмыслении общества произошел переход от метафоры социального организма к метафоре поля. Отход от органицизма можно, как минимум, объяснить тем, что изменились механизмы самих социальных изменений: огромную роль стали играть научные открытия и массовые социальные движения. Организмическая метафора просто растворилась, и ее место заняла метафора поля.

Эта метафора имеет прообразом электромагнитное поле, границы заметного действия которого подвижны, так как находится в непрерывном изменении. Например, поясняет Р. Будон, в «традиционных» обществах статус, как правило, наследуется, а в «современных» - он скорее приобретается (достигается). В большинстве традиционных» обществ сын крестьянина наследует отцовский участок и обрабатывает; его обучение осуществляется в рамках семьи. Сын инженера, напротив, должен завоевать свой статус сначала путем получения одного из предлагаемых системой образования дипломов, а затем – поиском места работы, скорее всего, вдали от родных мест[19].

П. Штомпка следующим образом поясняет именно социальный смысл метафоры. Любая общность стала рассматриваться не как жесткая система, а, скорее, как «мягкое поле» взаимоотношений между индивидами со своими привязанностями, образом жизни, «сетями» взаимодействия, она «является специфической общественной средой, или тканью, соединяющей людей друг с другом. Межличностное поле находится в постоянном движении, расширяется и сжимается (например, когда одни покидают, другие проникают в его пространство). Оно, как пишет П. Штомпка, «усиливается и ослабляется (когда меняется качество взаимосвязей, например, от знакомства к дружбе), сгущается и распыляется (например, когда в нем возникает лидер или когда лидер уступает свои позиции), смешивается с остальными сегментами поля или дистанцируется от них (например, когда образуется коалиции и федерации или когда просто люди собираются вместе)». В этом поле возникают «узлы», «комплексы», «сплетения социальных отношений», которые и есть социальные группы, организации, национальные государства. Группы и сообщества не схожи с материальными объектами, они скорее представляют «постоянные процессы группировки и перегруппировки», процессы «организации и реорганизации», «процессы структурирования, а не структуры; формирование, а не формы; изменчивые «фигуры», а не жесткие модели» [4, с. 27–28].

Преимущество новой метафоры заключается в том, что она позволяет безоценочно понимать и описывать происходящие процессы, то есть, вместо оптимистической концепции прогресса (или пессимистической – общественного регресса) современные теоретики утверждают принцип нормальности социальных изменений в теориях «морфогенеза», а не морфостазиса (М. Арчер), «структурации» (Э. Гидденс), постоянного «социального становления» (П. Штомпка).

Концепции «агентов» социальных изменений. Движителями социальных изменений выступают социальные субъекты – от великих деятелей до, казалось бы, хаотически действующих индивидов и само собой организованных общественных движений. В современной деятельностно-активистской парадигме социальные субъекты именуются

---

[18] Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований. М.: Аспект-пресс, 1995. С. 36–42, 102–111.

[19] Будон Р. Место беспорядка. М.: Аспект пресс, 1998. С. 19.

«агентами» (а не акторами!). Термином «агент» обозначается активно действующий субъект, чья деятельность производит или причиняет какой-то результат[20].

Далеко не всегда социальные агенты способны предвидеть и контролировать отдаленные последствия своей деятельности, то есть, они не избавлены от наступления непредвиденных («эмерджентных») и подчас разрушительных исходов сознательных усилий. Драматизм российских реформ – яркое тому свидетельство. Так, отпуск цен и свободная конкуренция, по замыслу Т. Гайдара и его единомышленников, должны были привести к банкротству неуспешных и процветанию эффективно работающих предприятий. Этого, увы, не случилось уже потому, что чуть ли не половина из индустриальных гигантов работали на военно-промышленный комплекс, на государственный заказ; без конверсии они не могли вступить в рыночную конкуренцию.

Сторонники нового подхода следующим образом разрешают проблему взаимодействия между социальными структурами и социальными агентами. С одной стороны, бессубъектные структуры обладают двойственностью, ибо любая структура как ограничивает, так и создает возможности для действия, они обладают определенными «разрешающими способностями» [8].

В теории структурации Э. Гидденс [7] показывает, что, с другой стороны, внутри социальных институтов (структур) отдельные субъекты постепенно накапливают статусные ресурсы, использование которых позволяет им влиять на изменение социальных институтов, способствовать их консервации или радикальной трансформации. То есть обладающие ресурсами социальные субъекты своей деятельностью безусловно влияют на «производство общественной жизни», но им приходится постоянно считаться с кристаллизовавшейся в социальных структурах деятельностью прошлых поколений и с тем, что одни социальные структуры легче поддаются трансформации, т.е. требуют меньших ресурсов, а другие – нет.

Социальным ресурсам в данном подходе уделяется особое внимание. В качестве таковых рассматриваются такие ресурсы индивидов, как материальные, интеллектуальные, социальные и др. связи. Пьер Бурдье акцентирует внимание на ресурсности «символического капитала» - признания в данном сообществе, или культуре, особой важности неких атрибутов актора (агента), позволяющих ему устанавливать свои правила в полях социальных взаимодействий. Ресурсы массовых социальных движений – это, помимо материальных, привлекательность их программ и лидеров, многообразие или ограниченность в применении различных «сценариев» коллективных действий и т.д.

Итак, в деятельностном подходе, во-первых, социальные изменения рассматриваются, во-первых, не как линейные (неизбежно поступательные или непреодолимо возвратные), но как многообразные «пульсирующие» сдвиги, а, во-вторых, направленность и содержание этих изменений зависит и от существующих социальных структур и институтов, и от деятельности многообразных социальных агентов, которые своими практиками способны трансформировать и структуры, и самих себя.

Тема 1.3. Теоретическое осмысление трансформаций в «посткоммунистических» странах

1.3.1. Концепции модернизации, переходного периода и «пост-состояния»

Модернизационный подход акцентирует внимание на универсализме трансформаций,

[20] Нельзя не заметить, что центральная идея о решающей роли практических действий социальных агентов исходит из известной формулы Маркса из 1 главы «Немецкой идеологии»: люди «находят уже готовыми» «материальные условия их жизни», но собственной практической деятельностью их изменяют (См.: Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: В 3-х т. М.: Политиздат, 1980. Т. 1. С. 8). Некоторые из выдающихся фигур этого направления в студенческие годы примыкали к леворадикальным движениям.

идея перехода подчеркивает совмещение прежних и новых правил социального взаимодействия, а «пост-концепция» Дарендорфа указывает на иррациональность тотального отвержения прошлого

Трансформация посткоммунистических» стран как модернизация. Несмотря на убедительную критику модернизационного подхода, он все еще достаточно популярен. Н. Наумова, опираясь на исследования западными авторами опыта осуществления модернизационных программ в странах «третьего мира», выделила следующие условия, необходимые для успешной модернизации: (а) достаточность экономических и человеческих ресурсов; (б) гражданское согласие среди элит общества; (в) удержание государством контроля над происходящими преобразованиями и упреждение острых социальных конфликтов и вооруженных столкновений; (г) быстрый рост среднего класса и (д) наличие общенациональной мобилизационной идеи[21].

В сущности модернизацию определяют как процесс создания «современных» (читай – западных) институтов и отношений, ценностей и норм. Однако чтобы новые социальные институты заработали органично, необходимы изменения самой личности, превращение человека советского типа в иной, как назвал его А. Инкелес, тип человека современного («Modern Man»[22]) Если между модернизацией и вестернизацией ставить знак равенства, то в переводе на русский это означает, что российские «обломовы» должны стать «штольцами».

Между тем, ни у одного из переживших модернизацию народов не произошла полная смена идентичности. Особенно ярко это проявилось на примере ряда азиатских стран. Сначала Японии, а затем и молодые «тигры» продемонстрировали возможность модернизации не только без изменения идентичности, но и без ломки традиционного социального института общины. Так в годы послевоенной модернизации под контролем американских военных японская община явилась действенным проводником демократизации в отсутствии институтов гражданского общества и «разумно эгоистичных индивидов»[23]. В противовес японскому опыту, в целом ряде развивающихся стран их лидеры пытались скопировать западную идентичность и внедрить демократические институты западноевропейского образца и потерпели на этом пути полнейший провал.

Получается парадокс. С одной стороны, послушное копирование западных образцов не обязательно приводит к модернизации, а с другой – модернизация может происходить без либерализации общественной жизни. Этот парадокс ставит под сомнение базовый постулат теории модернизации о необходимом соответствии друг другу уровня технологического производства, типа социальной организации и типа сознания (культуры)[24].

Так, российский опыт показывает, что неолиберальные рецепты реформирования экономики без адекватной демократизации и, прежде всего, без развития структур гражданского общества приводят к бурному росту теневого бизнеса и криминализации.

Так правомерно ли возникновение капиталистического производства на чуждой ему основе все-таки называть модернизацией? Некоторые отечественные исследователи утвердительно отвечают на этот вопрос. Так, В.Г. Федотова предлагает различать глубину проникновения модернизационных тенденций в социальные, политические, культурные, экономические институты [9, с. 26-27], поскольку рыночные институты обнаружили высокую адаптивность в различных социально-политических и социокультурных средах [9, с. 17].

Концепция «переходного периода», или «транзита». На основе модернизционных

---

[21] НАУМОВА

[22] Подробнее см. Гл. 13.

[23] Китахара А. Реальность и идеальный образ общины (Япония и Тайланд) // Философские науки. 1996. № 1–4. С. 30-48.

[24] Berger P., Berger B., Kellner H. The Homeless Mind. Modernization and Consciousness. N.Y.: Random House, 1973. P. 19–20.

концепций возникла особая дисциплина под названием «транзитология». Сторонники этого течения (как правило, бывшие советологи), в 90-е годы приступили к разработке критериев и рецептов по переходу так называемых «посткоммунистических» обществ к «нормальной» демократии, построению институтов гражданского общества и рыночной экономике.

К обществу какого именно типа совершается переход в одних посткоммунистических странах предельно ясно. В других, и Россия в их числе, это остается предметом противоборства разных социальных сил, отстаивающих свой интерес.

Но главные особенности переходного состояния вовсе не в определенности желаемого образа будущего, а в том, что переходное состояние нестабильно, чревато неожиданными «бифуркациями» - состояниями, требующими принимать «судьбоносные решения».

В переходном обществе сосуществуют прежние и новые правили социальных взаимодействий, нет определенности, какие именно легитимированы (в смысле узаконены и общеприняты). Поэтому доминирует прагматизм принятия решений «по ситуации». Николай Генов называет такую стратегию «инструментальным активизмом», которая подразумевает большую концентрацию на средствах достижения цели, нежели на самой цели[25].

Яркий пример – многообразие форм трудовых отношений на предприятиях и фирмах. Где-то есть профсоюз, призванный защищать интересы наемных работников, где-то их два, где и вообще никакого профсоюза нет. В одних случаях имеется Коллективный договор между администрацией и работниками, в других его нет и т.д.

Завершение переходного периода – это стабилизация социальных институтов (экономических и политических в первую очередь как базисных) и формирование более или менее устойчивой системы легитимированных практик.

Сегодня транзитологи убедились в многообразии трансформационных процессов, а само это направление практически иссякло.

Тот факт, что транзитология как попытка осмыслить посткоммунистические перемены исчерпала себя, говорит в пользу более гибкого понятия трансформации.

«Пост-концепция». Ральф Дарендорф наилучшим образом сформулировал, что такое состояние «пост». Он иронически назвал стремление теоретиков добавлять эту приставку к множеству разнохарактерных социальных перемен «постизмом»[26]. Действительно, «постизм» превратился в модную среди теоретиков формулу: постмодерн, постиндустриализм и… посткоммунизм.

Во-первых, пишет Дарендорф, «постизм» демонстрирует неспособность атрибутивно (т.е. исходя из сущностных свойств явления) определить состояние радикальных трансформаций. Отсюда, добавим мы, множество условных обозначений того типа общества, в котором оказались граждане России, Польши, Венгрии и других стран бывшего советского блока. Наш капитализм некоторые авторы именуют «бандитским», другие «олигархическим», дальше – «феодальным», «варварским». Ю.Н. Давыдов опирается на труды М. Вебера о двух типах капитализма – производительном новоевропейском и спекулятивном, каковой имел место еще в античные времена[27]. Польский теоретик Ядвига Станишкис, активно работающая именно в проблематике посткоммунистических перемен, определяет его как «капитализм без государства»[28], т. е. без жестко установленных законом цивилизованных правил рыночных отношений.

---

[25] Genov N. Transition to democracy and nation-state in Eastern Europe // The Annals of the International Institute of Sociology. Vol. 7 / E. Scheuch and D. Sciulli (eds.). Leiden: BRILL, 2000. P. 148–161.

[26] Дарендорф

[27] Давыдов Ю.Н. Российская ситуация в свете веберовского различения двух типов капитализма // Россия: Трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. С. 64-76.

[28] Станицкис Я. Посткоммунизм – явление тайны // Социс. 2002. № 1. С. 18.

Во-вторых, состояние «после» чревато, с одной стороны стремлением отбросить все прошлое только потому, что оно прошлое и, с другой стороны, как раз обратным – неизбежным совмещением прежних и новых институциональных структур и практик, а отсюда создание всевозможных гибридных структур – использование «старых форм в новых ролях»[29]. Например, З. Стримска называет политическую структуру посткоммунистических стран «монистически-плюралистической»[30].

Британский социолог Д. Старк выдвинул особую теорию, названную им «теорией зависимости от прошлого»[31], а чешский автор М. Иллнер констатирует, что «чем дальше продвигаются трансформации в посткоммунистических странах, тем больше провозглашаются и практикуются идеи и образцы прошлого»[32].

Российских примеров здесь предостаточно. Скажем вместо советской «сплоченности общества вокруг коммунистической партии» мы имеем его предельно высокую дезинтеграцию, ибо принцип, согласно которому общие интересы превыше всего, отброшен и заменен прямо противоположным принципом - «мои интересы должны доминировать» Разумное состояние, конечно, предполагает совмещение общих и частных интересов, т.е. нахождение компромисса. Примеры использования старых форм в новых ролях – бывшие колхозы, а ныне кооперативы с тем же председателем и незаинтересованным работником, трудовые коллективы, именующие себя - а чаще третьими лицами (например, социологами) - «корпорацией», президент страны, действующий в роли Генсека, ибо на встречах с представителями разных социальных групп и общностей дает прямые указания по части решения на его уровне мелких проблем (вроде налаживания доставки автобусом учащихся из удаленных от школы селений), выезжает «на места в регионы» для решения местных проблем. Система иначе работать не способна, ей по-прежнему нужен Генеральный вождь.

Подобная ситуация не является уникальной для России и становится даже предметом теоретизирования. В.Г. Федотова подчеркивает, что модернизация в странах Юго-Восточной Азии проходит в условиях сильнейших противоречий между ценностями традиционной культуры и внедряемыми современными институтами. В Японии, например, задач по изменению культурной идентичности, по выращиванию «нового человека», годного для «современных» социальных отношений не ставилась. Секрет успеха Японии заключается в опоре на собственные культурные традиции при внедрении модерных (капиталистических) социальных институтов. Автор называет «модернизацию на основе собственной традиционной идентичности» постмодернизацией, подчеркивая тем самым уникальность причудливых комбинаций традиционного и модерного, которых не знала ни западноевропейская теория, ни практика[33].

3.2. Теории болезненности посткоммунистических трансформаций

Травмирующее состояние трансформаций выражается в том, что люди не могут опереться на ранее накопленный опыт, который не помогает, но препятствует адаптации к переменам.

Кризисное состояние – определение ситуации под углом зрения классического девелопментализма. Кризис может толковаться и буквально, и метафорически. В первом

---

[29] Там же. С. 17.

[30] Strimska Z. Change and Stagnation in Soviet-type Societies. A theoretical framework for analysis // Working papers of PAN. Study. 1989. № 15-16. P. 25.

[31] Stark D. Path Dependency and Privatization Strategies in East-Central Europe // Economic Institutions, Actors and Attitudes: East-Central Europe in Transition / Ed. By G. Lengyel. Budapest: University of Economic Sciences, 1992. P.

[32] Illner M. Post-Communist Transformation revised // Czech Sociological Review. 1996. № 4. P. 157–159.

[33] Федотова В.Г. Россия в глобальном и внутреннем мире // Мир России. 2000. № 4. С. 3–33.

смысле такая характеристика вполне совпадает с описанием переходного периода: кризис как аномия завершается стабилизацией, «выздоровлением» и переходом общества в «нормальное» состояние[34].

Метафорически кризисом называют все, что «нам не нравится». Иными словами это своеобразное конструирование реальности теми или иными группами, слоями населения, которые пребывают в трудном положении, утратили чувство стабильности.

Теоретики деятельностно-активистского направления вовсе не используют данный термин, исходя из того, что трансформации и есть норма бытия социума, а стабильность – лишь временный период, необходимый для адаптации к свершившимся переменам перед тем, как инициировать новый шаг в «морфогенезе» [8] или «структурации» [7].

***Метафора «травмы»* П. Штомпки.** Травмирующие перемены охватывают решительно все сферы общественного устройства и повседневную жизнь граждан. Люди утрачивают ранее накопленный капитал жизненного опыта и крайне болезненно это воспринимают.

Неоднократно цитируемый в этой главе П. Штомпка недавно предложил концепцию травматических перемен, расширяя, как он пишет, свою деятельносто-акивистскую теорию «социального становления» [3]. Неожиданные и радикальные социальные изменения травмируют общественный организм подобно тому, как медики называют телесной или психической травмой неожиданное и болезненное внешнее либо внутреннее воздействие. Социальная травма, пишет Штомпка, это в первую очередь травма культурная, ибо рушатся основания привычных символов, смыслов и значений социальной реальности.

Почему радикальные трансформации травматичны? Потому, поясняет автор, что они внезапны, неожиданны; они всеохватывающи, т.е. происходят решительно во всех сферах общественного устройства, включая повседневную жизнь человека; они затрагивают решительно всех членов общества, каждого индивида и, наконец, что наиболее болезненно, они обесценивают привычные правила социальных действий, накопленный прежним жизненным опытом, обесценивают его социальный капитал, делают своего рода банкротом[35].

Конечно, не все проигрывают в условиях общественной травмы. Кое-кто и выигрывает. Но таких у нас в России презрительно называют «новыми русскими», переводя с французского «нувориш». У Бальзака нувориши – те, кто воспользовался разрушением монархии и успел ухватить лакомый кусок в виде ли поместья, в виде ли конфискованного у «первого сословия» имущества, объявленного якобинцами «народным достоянием». Наши новые русские занялись приватизацией государственной собственности. Но подавляющая масса россиян утратили свой жизненный капитал, а заодно и денежные сбережения. Это ли не травма?

Следуя логике рассмотрения Н. Смелзером стадиальных преобразований в развитии общественных движений, Штомпка выделяет 6 стадий травматического состояния [3, с.8]:

1. Прошлое состояние общества, благоприятствующее возникновению травмы. В России – это состояние стагнации советской экономики, решительное экономическое и технологическое отставание от Запада, непомерный государственный долг и отсюда опасность утраты положения Великой державы при обесценивании ее экономического и военного потенциала. Таковы были главные объективные причины для «запуска» горбачевской перестройки.

2. Травматические события как таковые, их содержание, существо травм. Например, денежная реформа и исчезновение накопленного в сберкассе, неожиданная гласность и разоблачения коммунистических порядков вплоть до требований убрать труп Ленина из

---

[34] См., например: «Кризисный социум»: Наше общество в трех измерениях / Под ред. Н. Лапина и Л. Беляевой. М.: Институт философии РАН, 1994.

[35] Вполне понятно, почему Р. Рывкина, рассматривая нынешнюю российскую ситуацию, озаглавила свою монографию “Драма реформ» (М.: Дело, 2001).

мавзолея и т.д.

3. Особые способы толкования, интерпретации травматических событий, их осмысление «пост фактум». Эти толкования, как правило, противоречивы, что является одной из причин факторов дезинтеграции общества наряду с социально-статусной дезинтеграцией. Так, опросы общественного мнения и сегодня обнаруживают, что большинство сограждан придерживаются привычных с советских времен символов России как Великой Державы[36].

Сегодня мы имеем и убежденных сторонников рыночных реформ, и столь же воинственных антикоммунистов, осуждающих советские порядки как кровавый режим, а победу в Великой Отечественной рассматривающих сквозь призму миллионов бездарно брошенных генералами на верную смерть солдат (в отличие от тех, кто видит в этой войне, прежде всего, героев и гениальных маршалов).

4. Травматические симптомы как разделяемые большинством образцы поведения и общепринятые мнения. У нас в ряду таких симптомов – нормализация (общеприемлемость) «института» взятки чиновнику, легитимация массовым сознанием проституции, всеобщая уверенность в том, что политики не думают о благе народа, что в обществе нет справедливости и т.д.

5. Посттравматическая адаптация, которая во всех странах имеет две формы: использование активных стратегий совладания с трудностями и, напротив, пассивной стратегии примирения с ними, привыкания «жить как все»[37].

6. Завершающая фаза преодоления травмы, по сути, совпадает с окончанием переходного периода, т.е. наступлением стабильного («нормального») состояния общества и его граждан.

Травматологическая метафора акцентирует внимание не столько на особенностях общественных структур обществ, переживающих резкие изменения, сколько на внутреннем психическом самочувствии граждан. И в этом состоят ее преимущества и отличие от подходов, рассмотренных в разделе 5.1.

1.3.3. Концепции, в которых выделяют не общие черты, но особенности трансформаций в отдельных странах

Особенности трансформационных процессов в посткоммунистических странах обусловлены различиями в их недавнем историческом прошлом, в различиях обладания материальными и человеческими ресурсами к началу реформ, солидарностью расколом в правящих кругах, неодинаковой способностью власти удерживать социальный контроль в обществе, позицией ориентацией на сотрудничество с мировым сообществом или противостояния ему в отстаивании национальных интересов, наличием либо отсутствием мобилизующей все слои населения общенационально принятой программы действий.

Критерии выделения особенностей трансформаций в разных странах. В ряду таких особенностей можно назвать часть из тех, что уже упоминались (по Н. Наумовой), но также и другие, специфичные для посткоммунистических стран[38]:

---

[36] В общероссийском опросе ФОМ (Бюллетень ФОМ № 3) в январе 2002 г. среди зданий, сооружений и построек главным символом страны называли Кремль (41 %), в ряду культурных достижений – освоение космоса (31 %), из исторических событий чаще всего упоминали Великую Отечественную войну (29 %) и Октябрьскую революцию (10 %), персонифицированными символами России респонденты называли Петра Первого (27 %), Сталина и Ленина (по 15 %), «символами российского государства» (такова была формула опроса) назвали маршала Жукова (8 %), Суворова (5 %) и Кутузова (4 %).

[37] Козырева П.М. и др. Динамика социального самочувствия россиян // Россия: Трансформирующееся общество. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001. С. 243–255.

[38] См. [6], а также: Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества. М.: Эдиториал УРСС, 1999; Alexander J. C. Modern, Anti, Post and Neo:

(а) Наличие достаточных ресурсов, материальных и человеческих. В принципе все посткоммунистические страны «живут взаймы у прошлого и будущего»[39]. Займы прошлого – накопленный ресурс, который истрачивается без восполнения. Россия не исключение. Промышленное оборудование практически не модернизируется, предприятия работают на старом и устаревшем; научный потенциал «разбазаривается» (утечка умов, мизерное финансирование науки) и т.д. Займы из будущего – это внешние долги, по которым многие годы следует платить проценты, что истощает бюджет.

Вместе с тем сравнительно со всеми другими странами бывшего советского блока Россия наиболее богата и природными и человеческими ресурсами, каковые, что называется, неисчерпаемы, если эффективно их расходовать и по возможности восстанавливать. Грузия, например, утратила все свои материальные ресурсы, ибо цитрусовые и вино, ее главное богатство, столь ценимое в СССР (потому в советских анекдотах грузин представлялся непременно и человеком широкой души и тем, кто денег не считает), ибо не выдерживает конкуренции на рынке фруктов и вина со средиземноморскими странами.

(б) Единство или раскол в правящих элитах и обществе, где солидарность способствует успеху реформ. Здесь мы решительно уступаем, например Польше, Венгрии, Чехии, той же Эстонии. Согласие по части проводимых реформ в российском обществе напрочь отсутствует[40].

Упомянутые государства стоят на пороге принятия в Европейское сообщество не в последнюю очередь благодаря согласию элит и граждан в целесообразности такой политики. Россия как «вечно расколотое», по выражению А. Ахиезера, общество, свою геополитическую стратегию солидарно вряд ли определит. Ни в обществе, ни в кругах политиков, предпринимателей и интеллигенции согласия в этом плане нет и вряд ли может быть достигнуто. Так что «судьбоносное» решение может быть принято скорее всего авторитарным образом (как, например, решение о государственном гимне).

(в) Способность власти удерживать контроль в обществе, не допустить гражданского противостояния, бунтов и т.п. Конечно Россия не Югославия, но во многом контроль порядка и законности утрачен (преступность, коррупция) и продолжается «чеченский конфликт».

(г) Исходная позиция государства: войти в так называемое мировое сообщество (так называемое потому, что и в нем немало внутренних противоречий) с готовностью к сотрудничеству или скорее в позиции противостояния. Ясно, что «малые» страны посткоммунистического ареала не имеют другой перспективы помимо сотрудничества. Иную политику проводит Великая держава, балансируя между полной солидарностью с мировым сообществом и решительным настаиванием на своих особых интересах.

(д) Наличие вдохновляющей все слои общества «мобилизационной идеологии». В этом пункте Россия никакого, даже минимального ресурса для трансформаций пока что не имеет. Призыв Б. Ельцина разработать «национальную идею» завершился ничем. Идея православия определенно дезинтегрирует многоконфессиональное государство. Идея «справедливого общества», как нам представляется, была бы воспринята в качестве «генерализованной», по Парсонсу, ценности: она не противоречит состоянию массового сознания до реформации и ныне общеприемлема, т.к. справедливость – важнейшая нравственная норма русской общины, эта «идеологема» есть важная составляющая коммунистической доктрины, равно

How Social Theories Have Tried to Understand the “New World» of “Our Time» // Zeitschrift fuer Soziologie. 1994. Jg. 23. Heft. 3.

[39] Станицкис Я. Посткоммунизм – явление тайны // Социс. 2002. № 1. С. 19.

[40] Во всероссийском опросе ВЦИОМ в марте 2000 г. на вопрос какая социально-экономическая система более правильная – основанная на государственном планировании и распределении или на частной собственности и рынке 48 % опрошенных выбрали первую, советскую и 34 % нынешнюю (18 % не могли решить какая система лучше).

как и религиозной морали христиан и верующих иных конфессий. Но… как добиться социальной справедливости на практике? Для начала следует хотя бы обеспечить безопасность граждан, не говоря о реализации того, что называют сильной социальной политикой: системой перераспределения доходов для поддержания слаборесурсных слоев населения.

Итак, если учитывать общие критерии успешности посткоммунистических реформ, Россия занимает некое срединное место между «тупиковыми» странами (Югославия) и резко продвинутыми (Венгрия, Польша, Чехия, Эстония)

Наблюдаемые различия трансформационных процессов в посткоммунистических странах достаточно обстоятельно описаны экономистами, социологами и политологами[41]. Николай Генов подчеркивает, что реформы в странах бывшего СССР и станах Восточной Европы выражают процессы «от конвергенции к дивергенции»[42].

Наиболее безболезненно практически уже состоялось вхождение в рыночную экономику и формирование демократических институтов в Чехии, Венгрии, Польше, Эстонии. Все эти страны, можно сказать, временно (по исторической шкале времени) пребывали в «социалистический лагере», имея в недавнем прошлом развитые структуры гражданского общества, сопоставимое с западноевропейскими государствами состояние экономики (исключая Эстонию) и устойчиво цивилизованные правила рыночных отношений. Старшие поколения воспитывали своих детей в духе соперничества на их жизненном пути. Поэтому «возврат в Европу» для народа этих государств не есть травма. Травмой был переходный период, который находится на пороге его завершения по всем существенным критериям: устойчивый рост экономики и валового национального дохода, уравновешенный и исполняемый бюджет, достаточно эффективное функционирование государственных институтов, адаптация большинства граждан к переменам (русские в Эстонии, между прочим, не стремятся к возвращению на историческую родину – минимальная миграция в Россию сравнительно с другими, особенно среднеазиатскими государствами).

Драматически и с непредсказуемыми последствиями совершаются трансформации в бывшей Югославии, раздираемой этнонациональными конфликтами, в Болгарии, где противоборствуют прокоммунисты, профашисты и демократы, а экономика не может достичь стабильности. Немалые трудности переживает большинство среднеазиатских стран прежнего СССР. Здесь травматологическое состояние общества (и русского населения в особенности), как и завершение переходного периода, несомненно, затянется на долге времена, если не завершится «тупиковым вариантом» - возвратом по циклической модели социальных изменений к какому-то состоянию из прошлого.

Россия занимает в этой классификации срединное положение. Прежде всего, особенности наших трансформаций связаны со статусом Великой державы, что закреплено уставом ООН и в еще большей мере гражданским самосознанием россиян и позицией лидеров государства. Российские реформы в наше время отчасти прозападные (рынок, демократические институты, становление гражданских структур) отчасти продержавно-российские («вертикаль центральной власти, ограничения прав регионов); отчасти прорыночные, либеральные, и отчасти нет – ограничения рыночной свободы монополий на природные ресурсы и транспорт, не артикулированная геополитика (с США или с

---

[41] См. Гл. 15, посвященную именно этой проблеме, а также: Станицкис Я. Посткоммунизм – явление тайны // Социс. 2002. № 1. С. 17-28; Strimska Z. Change and Stagnation in Soviet-type Societies. A theoretical framework for analysis // Working papers of PAN. Study. 1989. № 15-16; Return to the Western World: Cultural and Political Perspectives on the Estonian Post-Communist Transition / M. Lauristin and P. Vihalemm (eds.). Tartu: Tartu Univ. Press, 1997.

[42] Genov N. Transition to Democracy and Nation-State in Eastern Europe // The Annals of the International Institute of Sociology. Vol. 7 / E. Scheuch and D. Sciulli (eds.). Leiden: BRILL, 2000. P. 148–161.

Европейским союзом, или же Россия – евразийский посредник в глобальном мире); нет определенности в мобилизующей «национальной идее».

Итак, российские трансформации в концепциях переходного периода и кризисного состояния могут быть достаточно длительными. В понятиях травмы, напротив, могут ближайшее время привести общество в нормальное состояние (россияне достаточно быстро адаптируются к состоянию неопределенности будущего по принципу «никогда не было хорошо, нечего и ждать в близком будущем, надо перетерпеть). Многое зависит от внешних, глобальных событий, которые в большей мере затрагивают интересы Великой державы, нежели стран, не претендующих на такой статус в мировом сообществе[43].

Судя по многим аналитическим публикациям, *Россия занимает некоторое срединное место в ряду стран, осуществляющих рыночные и демократические преобразования – она не входит в число наиболее продвинутых, но не находится в ряду государств, особенно остро переживающих кризисное состояние.*

Литература основная:

1. История теоретической социологии. В 4 т. / Под ред. Ю.Н. Давыдова. М.: Канон, 1997. Т. 1. С. 87–140, 243–279; М.: Канон, 1998. Т. 2. С. 82–91; М.: Наука, 2000. Т. 4. С. 333–352, 386–403, 625–658.
2. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социс. 2001. № 1. С. 6–17.
3. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) // Социс. 2001. № 2. С. 3–12.
4. Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. проф. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996.
5. Crook S., Pakulski J., Waters M. Postmodernization: Change in Advanced Society. L. et al.: Sage, 1994.
6. Eisenstadt S. The contemporary Scene – Multiple Modernities // The Annals of the International Institute of Sociology / Ed. by E. Scheuch, D. Sciulli. Leiden: BRILL, 2000. Vol. 7.
7. Giddens A. The Constitution of Society. Canbridge: Polity Press, 1984.

Литература дополнительная

8. Арчер М. Реализм и морфогенез // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 50–68.
9. Федотова В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. 2000. № 4. С. 3–27.
10. Lauristin M., Vihalemm P. (Eds). Return to the Western World: Cultural and Political Perspectives on the Estonian Post-Communist Transition. Tartu: Tartu Univ. Press, 1997.
11. Nisbet R. The History of the Idea of Progress. N.Y.: Basic Books, 1980.
12. Patterns of Modernity / Ed. by S.N.E. Eisenstadt. N.Y.: N.Y. University Press, 1987.

Вопросы для самоконтроля

1. В чем основные особенности понимания социального прогресса в классической литературе (Дюркгейм, Вебер, Маркс)

2. Теории социальных циклов. В какой мере они полезны для понимания трансформаций в России?

3. Основные идеи теорий перехода человечества в цивилизацию повышенных рисков.

4. В чем главные особенности деятельностно-активистских теорий социальных изменений?

5. Почему трансформационные процессы в «посткоммунистических» странах болезненны? Суть концепции П. Штомпки о травмирующих особенностях переходного периода.

6. Переходный период как «постсостояние». Его особенности.

---

[43] Проблемам места России в глобальном сообществе посвящена гл. 15.

7. В чем состоят преимущества и недостатки России под углом зрения условий, необходимых для успешной трансформации?

Темы для рефератов и эссе.

1. Классические теории социального прогресса.
2. Понятие модернизации общества и дискуссии по этой проблеме
3. Идеи циклических изменений. Насколько они актуальны для понимания российских трансформаций.
4. Деятельностно-активистсткий подход в объяснении социальных изменений (Гидденс, Бурдье, Штомпка и др.)
5. Трансформации как «травма» - реферат по статьям П. Штомпки.
6. Критический анализ теорий модернизации.
7. Множественность критериев трансформации «посткоммунистических стран. Особенности России.
8. Эссе: Как я представляю российский путь вхождения в мировое сообщество.

Тема для групповой дискуссии

«Какие теории или теория вполне могут быть применены для понимания и объяснения трансформационных процессов в России».

1. Теория прогресса, ее возможности в концепции модернизации российского общества.
2. Идеи циклизма.
3. Россия в концепциях теории цивилизации рисков.
4. Концепции своеобразия посткоммунистических перемен в разных странах. В чем состоят особенности российского общества и государства?
5. Каким можно представить будущее отечества под углом зрения разных теоретических подходов?

При подготовке к дискуссии рекомендуем также обратиться к главе 15 «Уроки сравнительной транзитологии».

В ХРЕСТОМАТИЮ

1. Из Маркса; фрагмент о том, что люди, рождаясь при одних обстоятельствах, далее их изменяют (3 стр.)
2. Alexander J. C. Modern, Anti, Post and Neo: How Social Theories Have Tried to Understand the "New World» of "Our Time» // Zeitschrift fuer Soziologie. 1994. Jg. 23. Heft. 3. (15 стр)
3. Eisenstadt S. The contemporane – multiple modernities // The Annals of the International Institute of Sociology. Vol. 7. Eds. E. Scheuch & D.Sciulli,Brill Publ.Leiden. P. 97- 1 (Фрагмент в 6 стр)
4. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социс. 2001. № 1. С. 6–17 (11 стр).
5. **Федотова В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. 2000. № 4. С. 3–27. (фрагмент на 10 стр.)**

В методичку по Гл. 1

Общетеоретические подходы к анализу социального развития и социальных изменений

Курс рассчитан на 9 часов: 3 лекции и семинар-дискуссия

Основная литература (7 наименований) доступна на русском, часть дополнительной (10 источников) – на английском. В составе ридера 5 фрагментов общим объемом до 35 стр, в основном переводная литература.

Контроль знаний – рефераты и эссе.

Общая структура:

Тема 1 Теории линейно направленного и циклического развития общества.

1.1. Классическое понимание социального прогресса.

1.2. Практические действия в направлении теории прогресса: политика «модернизации».

1.3. Альтернативные подходы: идея регресса и теории циклических изменений.

Тема 2. Современные теории социальных изменений.

2.1. Постмодернистиский подход: исчезновение общества.

2.2. Концепция наступления цивилизации повышенных рисков.

2.3. Деятельностно-активистская концепция социальных изменений.

Тема 3. Теоретическое осмысление трансформаций «посткоммунистических» стран.

3.1. Концепции модернизации, переходного периода и «пост-состояния».

3.2. Теории, подчеркивающие болезненность посткоммунистических трансформаций

3.3. Концепции, в которых выделяют не общие черты, но особенности трансформаций в отдельных странах.

Раздел программы

Главная идея вводной главы – дать студенту представление о многообразии теоретических подходов к объяснению процессов социальных изменений, включая классические теории социального прогресса и концепции циклических сдвигов, а также современных теорий постмодернизма, перехода к цивилизации повышенных рисков и деятельностно-активистское понимание социальных изменений как продукта усилий многих социальных субъектов.

Специально рассматриваются концепции, в которых дается теороетическое истолкование трансформаций посткоммунистических стран. В их числе: теории модернизации, переходного периода, концепция П. Штомпки о травматическом воздействии трансформаций и др. Подчеркивается, что каждая из стран обладает особенностями своего пути вхождения в современное мировое сообщество, что зависит от предшествующей истории, наличия экономических и человеческих ресурсов, согласия или несогласия в обществе относительно стратегии трансформаций и других факторов.

Данная глава прямо связана с Гл. 14 о глобализационных изменениях и Гл. 15 «Уроки сравнительной транзитологии».